

Жизнь съ Гоголемъ

«Послѣ вечерняго чая — со сливками, горячимъ хлебомъ, ледянымъ масломъ, въ промежуткѣ до ужина, подъ висѣвшей надъ столомъ лампой отецъ читалъ Гоголя. Мать шила*. Девочки вязали. Глѣбъ сидѣлъ рядомъ съ отцомъ и благоговейно смотрѣлъ ему въ ротъ.

«Казаки носились по невиданному полю передъ фантастическимъ Дубномъ, и сражались подобно героямъ **Илиады**. Все они были великолепны, громоподобны и невероятны. Но **высокій** звонъ речи гоголевской сотрясалъ душу, волновалъ ребенка, владелъ имъ какъ хотель. Да и отецъ, хоть не дитя, читалъ съ **волнениемъ**. Когда дошло до казни и Остапъ, въ **терзаніяхъ** на эшафоте не выдержалъ, крикнулъ: «Батько! Где ты? Слышишь-ли ты все это?» А Тарасъ ответилъ: «Слышу» — отецъ **остановился**, вынулъ носовой платокъ, поочередно приложилъ къ правому, левому глазу. **Глѣбъ** всталъ, подошелъ сзади, обнялъ его и поцеловалъ — этимъ хотель выразить все **восхищеніе** свое и Гоголемъ, и отцомъ. Ему казалось, что и онъ **могъ-бы** выдержать эти **мученія**, а отецъ былъ-бы Тарасомъ».

Такъ описываетъ современный писатель первую встречу ребенка съ Гоголемъ. Отецъ могъ-бы читать что нибудь и **изъ** «Вечеровъ на хуторе близъ Диканьки». Мальчикъ тоже **восхищался-бы**. Но «Тарасъ Бульба» сильнее. Все въ немъ ясно, широко, увлекательно. **Поззія** величава. Яркъ **сюжетъ**, нехитра **психологія**, въ гоме и звоне тонуть **преувеличенія**, и простоватое **прославленіе** казаковъ рядомъ съ **посрамленіемъ** Польши какъ разъ укладывается въ детской душе.

А разве «Страшная месть» не очаровывала? **Колдунъ**, Катерина, красные жупаны, таинственный замокъ, мертвецы, **встающіе** изъ могилъ, грозный Всадникъ въ **Карпатахъ** — все это пронзаетъ, наводитъ ужасъ **мистическій**, подобно синей грозовой туче, надвигающейся неумолимо. Нечто действительно страшное дойдетъ и изъ **«Вія»**. По другому, тонкой, но непобедимой **печалью** покорять **«Старосвѣтскіе** помещики» — вещь необыкновенная еще и темъ, что человекъ остается ей вернымъ на всю жизнь: съ детского возраста по зрелый.

Если прибавить рассказы «Вечеровъ», то, пожалуй, это и будетъ **«Гоголь»** для юношества». Встреча съ нимъ **дѣлаетъ** читателя верноподданнымъ поэта, но показываетъ лишь часть Гоголя: часть **живописнѣйшую**, ярчайшую, **природно-малороссійскую**, съ **чертовщиною** еще полусказочной, **гдѣ** все тонетъ въ южномъ **великолѣпїи**.

Замечательно, что когда Гоголь явился въ литературе, **встрѣченъ** онъ былъ **шумнымъ успѣхомъ** — и преимуществен; но какъ юмористъ! Смеялись наборщики «Вечеровъ», помирили со смеху все, кому Гоголь читалъ самъ. На представленн «Ревизора» хохоталъ императоръ Николай.

Взрослые смеются. Но вотъ дети, впервые съ Гоголемъ **знакомящаяся**, серьезны. Мальчикъ, которому вслухъ читалъ **отецъ** «Тараса Бульбу», замиралъ при **убійствѣ** Тарасомъ сына, въ **описанїяхъ** боевъ, казни Остапа, но **комическія** сцены начала, еврей Янкель и все «смешное» съ **нимъ** связанное, пропускалось мимо ушей. Все пьяные казаки, разные Чубы, или Солохи, **Хиври** «Вечеровъ», надъ которыми задыхался отъ смеха **отецъ**. **ребенку** вовсе не были интересны.

И онъ не **исключеніе**. Можно представить себе мальчика или девочку, которымъ приснится ночью колдунъ **или Вій**, или кто замечается надъ оставшимся въ одиночестве **Аванасїемъ** Ивановичемъ. Но не вижу ребенка, вдругъ вспомнившего что-нибудь смешное изъ Гоголя и **помирающаго** со смеху.

Гоголь юной душе предстоитъ не весь, но **героическо-поэтической** своей стороной.

V

Гоголь семьи и детства есть часть поэтического **мира**, **окружающаго** ребенка. Это и часть семьи. **Уваженіе** къ нему и предъ нимъ **преклоненіе** естественно переливается отъ старшихъ — отца, матери*. Тутъ **нѣкій авторитетъ** любви. Онъ **укрѣпляетъ** и освящаетъ непосредственное **впечатлѣніе**. Но, чтобы такъ было, нужна свобода и любовь. Школа этого дать не можетъ. Да и читаетъ теперь Гоголя не дитя, а отрокъ, юноша.* «Мертвыя Души», «Ревизоръ» — темы для **сочиненій** «О значенн Гоголя въ русской литературе», о «гоголевскихъ типахъ» — все это нужно, полезно... но казенно. Конечно, «Мертвыя Души» прочитаны, и безъ всякихъ учителей ясно, что это первый сортъ, и еще лучше, что читаны летомъ, на вакашяхъ. А когда надо писать о нихъ **сочиненіе**, то выходить и правда, мертво, скучно. Рисунки Боклевскаго — Чичиковы, Ноздревы, Коробочки, Кувшин-

ныя рыла — ихъ интересно срисовать на листокъ ватманской бумаги, но все это делается въ блаженные часы вольности и свободы.

А **затѣмъ**, въ **студенческіе** годы, наступаетъ перерывъ. Гоголь **прочитанъ**, это «классикъ», **великій** писатель... ну и **Богъ** съ нимъ. Онъ отходить. Его переиздаютъ, растетъ литература о немъ, изучаютъ его рукописи и устанавливаютъ тексты. Ближиться **сголѣтіе** рожденія Гоголя и въ Москве ставятъ ему **памятникъ**.

Этотъ памятникъ вызвалъ много шума и **нареканий**. Онъ стоитъ на **Пречистенскомъ** бульваре, предъ Арбатскою площадью, где некогда бывалъ поэтъ въ **домѣ** Аксаковыхъ. Гоголь изображенъ сидящимъ — сгорбленный, усталый, измученный, съ заостреннымъ своимъ **носомъ**.

Памятникъ вдохновленъ новымъ **пониманіемъ** Гоголя. Удачно, или неудачно исполненъ, въ немъ есть отголоски **писаній** о Гоголе Мережковского, Брюсова. Учителя **гимназій** **насъ** учили, что Гоголь — основатель реализма русскаго и творецъ нашего романа. (Такъ что **художническій** путь къ Толстому казался яснымъ). **Русскій-же** символизмъ усмотрелъ въ немъ иное. «Гоголь и чортъ», называлась книга Мережковского. «Испепеленный» — статья Брюсова. Все **вниманіе** устремлено теперь на **внутренній** его **міръ**. По Мережковскому жизнь Гоголя была **сраженіемъ** съ чортомъ, котораго хотель высмеять авторъ, но палъ въ бою. Брюсовъ бралъ Гоголя какъ сожженнаго страстями, не нашедшими выхода.

Гоголь повернулся новой стороною. Интересъ къ нему усилился, и несколько по иному вновь перечитываетъ **его** молодой человекъ. Находясь въ атмосфере обостреннаго **отношенія** къ **с л о в у** — чтò типично для эпохи — ближе всматривается въ стиль Гоголя.

Это — та встреча, когда впервые восхитится читатель сознательно музыкой гоголевской прозы, ея ритмомъ и напевомъ. (Воистину: **имѣють** книги судьбу! Сколько бранили при жизни Гоголя за его языкъ, неправильности, грамматику. А теперь **какъ** своеобразными кажутся его строки, **люющіяся** по **какимъ-то** **сложнѣйшимъ**, лишь прозаикамъ **вѣдомымъ** законамъ!). Именно въ этомъ **чтеніи** **самостоятельно** вглядывается **читающій** **въ** то, какъ **располагалъ** слова поэтъ, **какіе** любимые у него обороты, **выраженія**. Какъ онъ **отдѣлывалъ** свои произведенія. По **тому-же** **тихонравовскому** изданію, по которому некогда **ему** читали Гоголя, онъ сличаетъ первоначальныя редакціи съ детства **родныхъ** произведеній съ позднейшими. Учитя то-

му, какъ **долженъ** работать надъ **словомъ** художникъ. Какъ, подготавливая къ новому изданію, **перечитываетъ** онъ, **выправляетъ** свои писанья. Подтягиваетъ и укрепляетъ фразу. Добивается бдльшей яркости и живописности. Выбрасываетъ нзъ какой-нибудь «Сорочинской ярмарки» лишніе эпитеты. — молодость всегда **многогъчивѣе, чѣмъ** надо. То, куда **несетъ** юнаго поэта **воображеніе** и **лирическій темпераментъ**, поэтомъ зрелымъ всегда обуздывается. Но не безъ **удивленія** замечаетъ читатель, что съ «Тарасомъ Бульбой» случилось обратное. Онъ не усохъ, а раздался вширь. Тутъ **дѣло** особое, и не противоречить общему правилу. «Тараса Бульбу» Гоголь не то чтобы стилистически **обработывалъ**, а внутренно **растопилъ**, и перелилъ въ **новыя, обширнѣйшія** формы. Получилось новое **произведеніе**.

Перечитываются и «Ревизоръ», и «Мертвыя Души». Теперь кажется, что глубже они поняты, Хлестаковъ и Чичиковъ представляются чуть-ли не **Мировыми типами-масками**, личинами чуждаго зла. **Лирическія** места «Мертвыхъ Душъ» особенно прельщаютъ.

Не одной стилистической, **музыкальной** и лирико философской стороной Гоголя это **второе чтеніе** ограничивается. Читатель пытается проникнуть за ограду Гоголя **канонизированнаго** и школьнаго, **кончающагося** первымъ томомъ «Мертвыхъ Душъ». Теперь **впервые** прочтетъ онъ «Выбранія мѣста изъ переписки съ друзьями».

Изъ этой книги **главнѣйше** «дойдутъ» статьи по искусству: «Объ Одиссее, переводимой Жуковскимъ», «О лиризм! нашичъ поэтовъ», «Историческій живописецъ Ивановъ», «О существѣ русской* поэзіи». **Морализированіе**, отдельныя мысли **другихъ** частей покажутся прописными и слащавыми. Тонъ местами **высоко-поэтическій, мѣстами впадающій** въ елейность. Но общее **впечатлѣніе**: лишь огромный писатель и глубокой необыкновенности человекъ могъ ее написать. А Белинскіи и **современники**, единодушно эту книгу **отринувшіе**?

Впервые прочитывается знаменитое письмо Белинского о «Переписке» съ обвиненіями Гоголя въ прислужничестве предъ знатными, съ **намекомъ** на **религіозное** помешательство. Гоголя **нзываетъ** Белинскіи «апостоломъ **кчута** и невежества» - и **этими**, имъ подобными строками вполне противъ себя **возстановливаетъ**. Читающему кажется, что если говорить о помешательстве, то лишь безумецъ подумаетъ, что «Переписка» — написана съ целью получить место воспитателя Наследника.

Во **всякомъ-же** случае читатель хочетъ узнать о писателе, съ детства любимомъ, нечто бдльшее: принимается за письма.

Но онъ еще слишкомъ молодъ. Его жизненный и душевный опытъ **малъ**. Онъ въ **полосѣ только** эстетическаго отношенія къ писателю, и о духовной жизни просто **понятія** не **имѣеть**. Письма Гоголя кажутся ему сероватыми. Въ нихъ **нѣтъ ТОЙ** яркости, того **обольщенія**, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ «Вія», или «Портрета», «Рима». Они представляются ему **болѣе расплывчатою** прозой, не такой выделанной, безъ той остроты и блеска, **какіе** есть въ повестяхъ. Ему кажется, что ихъ надо-бы еще уплотнить, осолить. И зачитываясь одновременно письмами Флобера, онъ четырехъ шенроковскихъ томовъ не одолеваетъ. Въ сущности, не доходить до самаго важнаго, самаго главнаго. Видитъ Гоголя время Нежина, юношей въ Петербургѣ, первые успехи, немного Италш. Но до зрелой поры не **добирается**.

И Гоголь рисуется ему еще въ **классическихъ**, хотя и расширенныхъ, уже не школьныхъ, но чисто-литературныхъ **очертаніяхъ**: авторъ «Вечеровъ», «Миргорода», «Ревизора», «Мертвыхъ Душъ», лишь отчасти и «Переписки съ друзьями». Гоголь представляется, конечно, не реалистомъ основателемъ романа русскаго, и не **юмористомъ-сатирикомъ**, осмеявшимъ **Россію** Николая I-го, а скорее **писателемъ** фантастическимъ, **наследившимъ** действительность своими **чудищами**.

Какъ и памятникъ на **Пречистинскомъ** бульварѣ, этотъ **обликъ** Гоголя сильно окрашенъ понимаемъ его, связаннымъ съ эпохой символизма.

**

Вновь, на целые годы выходитъ Гоголь изъ круга **вниманія**. Отдельныя вещи иной разъ перечитываются, но общее **мнѣніе** о немъ, общее **ощущеніе** Гоголя приблизительно то же, что и въ сознательной молодости.

А жизнь идетъ. Мѣсовыя **событія**, катастрофы, трагедіи... — гибель прежней Россіи, Гоголя породившей. **Изгнаніе**, жизнь на чужбинѣ. **Чѣмъ далѣе** идетъ время, **тѣмъ** сильнее **чувствуемъ** мы здѣсь свое одиночество. Все более **уходишь** душою съ **ЧУЖОЙ** земли, возвращаясь къ **вѣчному** и духовному въ **Россіи**. Вновь **перечитываемъ** многое, на чемъ возростали, по новому его ощущая.

Становится почти жутко, когда **подумаешь**, что вотъ уже въ **послѣдній** разъ пересматриваешь святыни родной литературы Толстого и **Достоевскаго**, Тургенева, Гоголя. Вечные спутники! Но не вечно самимъ себе равные, съ разныхъ сторонъ **раскры-**

ваюцієся, по разному **воспринимаемые**, сопровождай нашу **жизнь**.

Можеть быть, неслучайно къ Гоголю въ этомъ пересмотре обращаешься позже **всѣхъ**. Съ **дѣтства**, какъ будто, насквозь ведомый писатель, въ молодые годы изучалъ его лабораторно. Что можеть онъ дать новаго? А рядомъ некое смутное **опасеніе**: вдругъ поблекнетъ давнишнее, полулегендарное **обаяніе**, подь которымъ прошла жизнь?

Первыя впечатлѣнія какъ будто дають къ тому поводъ. «Вечера на хуторе» перечитываешь **«спокойно»**... Конечно, въ пределах задачъ своихъ юноша-художникъ осуществилъ все, что нужно, сразу показавъ удивительный звукъ языка своего, до толе нашей прозе неведомый. Показана зрительная изобразительность первосортная, и **внутренній** слухъ для **дѣалога**, и чужество людей, и уменье ихъ дать **полнѣйшія**. И все-таки, это **введеніе**. Замечательное, но **введеніе**. Не больше того.

«Миргородъ» даеть Гоголя ранней поры уже во весь ростъ. Съ радостью и **волненіемъ** перечитываются **«Старосвѣтскіе помещики»** — все та-же вечная печаль безъ крика, безъ напора. Тайна и **трагедія**. **«Старосвѣтскіе помещики»** владеють искушеннымъ читателемъ **такъ-же**, какъ владели ребенкомъ и юношей. Пусть искушенный заметить **кое-какія** мелочи (напр., страницу, стоящую несколько «ребромъ»), на что раньше не обращалъ **вниманія** — но это ужъ придирчивость **профессіонала**. Нисколько не пошатнулись ни «ВЫ», ни «Повесть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ **Никифоровичемъ**». Это, конечно, тоже шедевры. Въ разныхъ родахъ, но полныя удачи. Въ «Віе» дьявольское еще въ романтическомъ, сказочномъ обличье (но есть и **внутренній** демонизмъ произведенія), въ «Повести» это дьявольское, хотъ и на фоне Малорос-СІИ, впервые приобретаеть всеобщш, пусть и **менѣ** б р о с к і й видъ: появляется обликъ **с к у к и**, ничтожества, глубокой горести отъ жалкаго вида жизни. Поражаешься, какъ Пушкинъ нашель эту печальнейшую повесть (съ нелепейшимъ **названіемъ** изъ десяти словъ) — **т о л ь к о** смешной.

Но вотъ **«Тарасъ Бульба»**, даже въ зрелой его обработке, во **многомъ** разочаровываетъ. При всей мощности поэзіи, при силе, удаче фигуры самого Тараса, а изъ второстепенныхъ Янкеля, все-таки эта повесть слишкомъ ужъ «для юношества», ея внутренняя тема элементарна. Тема Сенкевича, попавшая въ руки **Гоголя**...

Изъ Гоголя петербургскаго періода, когда о Малороссіи **уже** все сказано, особенно врезаются «Носъ» и «Портретъ». **«Носъ»**

— ранее вполне недооцененная вещь, предель **гоголевскаго** гротеска, как будто без**смысленная исторія**, **н е р а з ъ я с н е н н а я**, безъ всякихъ **комментаріевъ**, но выражающая поразительно **нѣчто** въ манере Гоголя видеть **міръ**. «Портретъ» важенъ для авторской психологіи — **исторіи** его **дѣль съ чортомъ, борьбы** съ нимъ, заушешія дьявольскаго **начала**. Мраченъ и **тайственъ** воздухъ этого **произведенія**, есть большой яркости места, по есть и схематичность и надуманность. Во всякомъ случае это не **шелевръ**, какъ и прославленная «Шинель» — сейчасъ кажущаяся въ «гуманитарной» своей части слащавой, а въ **фантастиче-ской** не весьма убедительной.

Третій и высшій кругъ гоголевскаго **писанія художческаго**: «Ревизоръ», «Мертвыя Души». Первое, что бросается въ глаза: поэтъ **увѣнчанъ комедіей** и неоконченной поэмой. **Игогъ** всей жизни — одна **комедія** и начало некоего большого **произведенія**. Съ внешней стороны, будто бы маловато.

«Ревизора» **перечитываешь со смѣшаннымъ, двойственнымъ чувствомъ**: каж іая строчка горитъ, кипитъ, чуть не каждую фразу наизусть знаешь. Ничто не побледнело и не стерлось. Какъ густо написано! Постройка всегда представлялась мне дугообразною — съ перваго **дѣйствія** арка подымается, ровно, естественно, доходить до высшей точки и такъ-же плавно, подъ звонъ колокольчика улетающаго Хлестакова закатывается. Замечательно! Фигуры — что-же говорить о фигурахъ, мы сжились съ ними, это, конечно, особенный **міръ**, не такъ ужъ **похожій** на действительность — начертанный чуть-ли не **геніально**... — и все-таки въ «Ревизоре» есть нечто не основательное, какъ-бы и раздражающее. Точно авторъ и дразнить, местами впадая въ водевиль, и сейчасъ же опять покоряетъ. Когда читаешь «Казаконъ» или «Дворянское гнездо», этого чувства нѣтъ. Все ясно, верно, никакихъ **двусмысленностей**. Никакой опасности провалиться. Въ «Ревизоре»-же есть нечто отъ **наважденія**. **Наважденіе** съ чиновниками, принявшими **невѣроятнаго** мальчишку за ревизора. **Наважденіе** съ критиками, принявшими все это за подлинную картину Россіи. **Наважденіе** съ **автопомъ, post-factum придумавшимъ** пи бочайшій смыслъ произведенію (**отвѣтъ на Страшномъ суде**). Наконецъ, самъ **читатель** испытываетъ **наважденіе**: можетъ быть, это **геніально**? А вдругъ — просто пыль въ глаза, все **н е н а с т о я щ е е**, обманное? Можетъ быть, и меня такъ-же **обману**пи, какъ и всехъ?

Исторія съ ревизоромъ удивительна, написана **какимъ-то** необычайнымъ! **существомъ**, но **подозрительна**. Она со-здана человекомъ, еще не преодолевшимъ въ себе Хлестакова.

«Мертвыя Души» гораздо **крѣпче**, хотя Павелъ Ивановичъ Чичиковъ тоже довольно страннаго **происхожденія...** Считать-ли, что Чичиковъ и Хлестаковъ даровые типы (облики пошлости* každодневной), что **въ** нихъ-то Гоголь и поразилъ чорта, посмеялся надъ нимъ, или брать дело менее планетарно, утверждая **лишь**, что онъ въ нихъ влилъ **нѣчто** тягостное и мучительное изъ своей души, какъ бы свои **нѣкія** черты въ нихъ распялъ, что и **сдѣлало** ихъ столь неотразимо ранящими, во всякомъ случаѣ въ «Мертвыхъ Душахъ» **достигъ** Гоголь предела своей власти художественной. Тутъ школьное **возрѣніе** удерживается и взрослымъ. Да, Гоголь показалъ яркость почти страшную. Чичиковы, Ноздревы, Собакевичи, Коробочки въ **міръ** выпущены. Нельзя не верить въ ихъ **существованіе**, хотя это воистину «игра ума!». Сила галлюцинаши въ «Мертвыхъ Душахъ» родственна магии и — пожалуй — имеетъ даже неблагоприятный **характеръ**. Что-то есть въ ней общее съ **вызываніемъ** духовъ. Въ «**Войнѣ** и Мире» фигуры не менее ярки, а **воздухъ произвеленія** иной. Надъ «Войной и **Миромъ**» радуга. Но неотразимо горестны «Мертвыя Души».

Некогда Полевой полагалъ, что «искусству нечего делать съ «Мертвыми Душами», являющими «упадокъ дарованія прекраснаго». Жизнь надъ **мнѣніемъ** Полевого посмеялась. **То, чѣмъ дѣтей** учать въ школе о **достоинствахъ** «Мертвыхъ Душъ», правильно. Но **дѣти** такъ же мало **знаютъ**, какъ и Полевой, что **высочайшій** шедевръ Гоголя въ **то-же** время и **великій этапъ** во внутренней его жизни: последнее **писаніе** «для всехъ». **для** славы, лавровъ, хрестоматіи. На томъ художественномъ пути, по которому шелъ онъ, кристаллизоваться крепче, **чѣмъ** въ первомъ томе «Мертвыхъ Душъ», и лучше вызреть, было ужъ нельзя. Но самый путь его не удовлетворялъ. Онъ переросъ его.

**

И въ более **раннемъ** знакомствѣ съ **Гоголемъ** читатель зналъ, что существуетъ вторая часть «Мертвыхъ Душъ». Читалъ — безъ особаго **удовольствія** — **сохранившіяся** главы. **Знать**, что **осгальныя** были сожжены, что въ концѣ жизни своей Гоголь печаталъ **мало**, былъ **подверженъ** тяжелымъ болезненнымъ припадкамъ, чуть-ли не сошелъ съ ума и странно умеръ.

Это **знаніе** было **внѣшнимъ**. Мало задевало сердце и существо читателя. Онъ довольствовался **искусствомъ** Гоголя. Но когда искусство это пересматриваешь теперь, начинаешь **ощущать**, что **все го** Гоголя оно не даетъ, или даетъ неполно. Пушкинъ и Флоберъ — все въ своемъ искусствѣ. Они — это

ихъ артистическія достиженія. Съ Гоголемъ иначе. Если «наследство» его взять музейно, какъ прославленный сокровища, оно всего и настоящаго Гоголя не покажетъ, — даже, можетъ быть, чуть-чуть разочаруетъ.

И кругъ проникновенія въ Гоголя расширяется. Вновь появляются «Переписка съ друзьями», письма, но теперь и «Авторская исповѣдь», и раньше совсемъ незамѣченныя «Размышленія о Божественной Литургіи».

Въ этихъ чтеніяхъ складывается болѣе полное и сложное представленіе о Гоголе.

Этому необыкновенному человеку были даны дары и свойства разнообразныя, иногда противоречивыя. Съ раннихъ лѣтъ, съ остротою болѣзненно-геніальной видель онъ смѣшное, убогое, безобразное. Вотъ міръ, где онъ какъ будто дома. Онъ и смеется, и тоскуетъ въ немъ. Однако-же, чѣмъ старше становится, темъ яснѣй чувствуетъ, что не только въ окружающемъ, но и въ немъ самомъ есть нечто ужасное. «Собратье всехъ возможныхъ гадостей» ощущалъ онъ въ своей душе. Что именно? Вѣроятно, сложная и запуганная сѣть мелкаго греха, которая его ужасала. Убѣдительность, сила и верность, съ какой изображалъ онъ жалкія и ничтожныя черты человека, указываютъ на то, что говорить онъ тутъ о родномъ. Да, подполье какое-то въ немъ было, еще до Достоевскаго. (Онъ первый по времени русскій писатель съ подпольемъ). Иногда несетъ оттуда мракомъ и холодомъ. Все, лично Гоголя знавшіе, сходятся на томъ, что песерь и страненъ былъ Гоголь: то очарован тельнъ, то совсемъ непріятенъ.

Чувствуя и видя такое въ мірѣ (и себе), обладалъ онъ и волшебнымъ изобразительнымъ даромъ. Отсюда вся удавшаяся часть его писанія, вся часть видимая. Ея завершеніе — первый томъ «Мертвыхъ Душъ».

А другая его сторона совсемъ иная. Съ детства несокрушимая вѣра въ Бога... «Страхъ Божій» — доходящій тоже до болезненнаго, чувство великой ответственности за свою жизнь, ощущеніе полученнаго заданія, которое надо выполнить. Не то, чтобы издавать «звуки сладкіе», а осуществлять въ жизни Божье дѣло, дѣйствовать, помогать движению собственной души и другихъ душъ къ «небеснымъ звукамъ». Не одно низменное и пошлое дано чувствовать этой душе! Въ ранней молодости — это поэзія Малороссіи, позже прелесть Италіи, еще позже — высшая спиритуальность религіи.

Некогда тотъ-же Полевой издевался надъ отрывкомъ Гоголя «Римъ» («Аннунціата»).

Перечитывая «Римъ» теперь, видишь, насколько произведетъ это полно **настоящаго** восторга, сколько въ немъ **гимна** — красоте женщины, Италіи, **восхищенія** предъ **полу-патріархальною** жизнью Рима того времени, любви къ простому народу и юморá очень **добраго**, вотъ это **удивительно!** А ведь «Римъ» написанъ почти одновременно съ «Ревизоромъ».

Былъ у Гоголя еще **даръ**, прекрасный, но не **дающій** покоя: **стремленіе** стать лучше (сознавая свои несовершенства). Какъ это всегда бываетъ, въ молодые годы жилъ онъ незрительно. Были **творческія** силы, онъ имъ отдавался. Но писалъ не раздумывая, что Богъ на душу положить. Да и о себе самомъ меньше размышлялъ. («Чистая литература», «чистая **поэзія**» всегда такъ и создается).

Но съ **нѣкотораго времени**, работая надъ «Мертвыми Душами», начинаетъ онъ все более задумываться — **входитъ** въ иную полосу. Не **чѣтно-же** пребывать съ Хлестаковыми и Чичиковыми — неужели ими весь **міръ** ограничивается, и въ его собственной **душѣ** одне «гадости», столь удобныя для изображенія?

И вотъ, если есть въ себе «гадости», надо ихъ преодолеть. Это «надо» не внешнее **принужденіе**, это устремленіе всего существа, въ известный моментъ жизни громко сказанное. Гоголь становится на путь духовной жизни, молитвы, самопроверки, непрерывнаго **общенія** съ Богомъ — **началомъ** светоноснымъ и **несущимъ** благо — тотъ путь, где частицу божественнаго света усваиваетъ и себе человекъ. Гоголь какъ бы проветриваетъ свою душу, впускаетъ въ нее свежшй воздухъ, впускаетъ и светъ — **вѣрнѣе**, даетъ свету **войти**, дѣлая минимальное **усиліе**: высветляетъ ее. Это есть уже художество жизни. **Созданіе** изъ себя **самого** некоего **лучшаго** произведетя. Последнее **десятилѣтіе** его есть жизнь полумонашеская. Она имела **громднѣйшія послѣдствія** для самого Гоголя и для всей русской литературы, которуп **свернули** съ пушкинскаго пути духовные годы Гоголя.

Послѣдствія оказались грандіозны, сложны, въ **нѣкоторыхъ отношеніяхъ** пріобрели даже **трагическій** характеръ.

Аскеза давалась Гоголю, **повидимому**, трудно. Съ одной стороны, онъ подымался, одухотворялся и росъ. Выше и глубже становился его взглядъ на **человѣка, мірозданіе**. **И дѣло** жизненное — **самоусовершенствованіе** и деятельная любовь къ **людямъ**, ихъ и свое спасеніе — ярче виделось. Но въ **вѣковѣчномъ**, тягчайшемъ **дѣлѣ** духовнаго пути — **преодоленіи** гордо-

ни — успѣховъ видимо насчитывалось мало. Скорее, не были тутъ поражений!

«Выбранныя места изъ переписки съ друзьями» надо оцѣнивать, правильно понимая ту полосу духовнаго развитія, въ которой Гоголь находился. — Книга писалась послѣ тяжкаго періода упадка духа, болезней, перваго сожженія «Мертвыхъ Душъ» (Ш ч.). (Въ 1845 году Гоголь думалъ, что умираетъ, и во Франкфурте звалъ даже священника, чтобы причаститься. Но выздоровѣлъ. И въ новомъ приливе силъ, отложивъ недававшіяся «Мертвыя Души», написалъ въ несколько месяцевъ, за поемъ, «Переписку» *).

Она отразила и огромный шагъ впередъ Гоголя въ смысле спиритуальному, и недостигнутую еще гармонію. Въ ней именно есть дисгармонія. Рядомъ съ крайнимъ смиреніемъ, публичнымъ покаяніемъ, крайняя гордыня. Рядомъ съ истинно-пророческимъ гонимъ некая заносчивость, сухое проповѣдничество. Въ ней тоска и восторгъ, глубина и наивность, великая вѣра въ челоуѣка и великое оцущеніе силы зла. Да, ужъ никакъ не назовешь здѣсь Гоголя христіаниномъ средняго, сѣренькаго типа. Не бито въ немъ никакого благополучія! И ш спасеніе или гибель. И надо сказать: ужасъ гибели непомерно великъ! (Одно изъ слабѣйшихъ местъ Гоголя: страхъ, а должна-бы быть — любовь).

«Переписка» книга такая, что читая ее въ зреломъ возрастѣ (а ее только въ зреломъ и можно читать), нельзя ее переживать. Она именно не читается, а переживается. «Переписка» действительно можетъ волновать, иногда восхищать, иногда удивлять и даже вызывать улыбку, но это то, что говорить о пути жизни и спасенія, о борьбѣ человека за лучшее въ себе... — вообще «о важнѣйшемъ». Это книга героическаго духа. Тутъ уже не до смеха или развлеченія.

«Переписка», одна изъ замечательнейшихъ книгъ литературы нашей, провадилась совершенно. Не только Бѣлинскій, Гоголю чуждый, но и друзья Гоголя, во многомъ ему близкіе, ее осудили. Враги-же затоптали вовсе. Ругали въ прессе, обществѣ, ругали самого автора, считая, что онъ не то сумасшедшій, не то идіотъ, а во всякомъ случае ханжа, написавшій вздоръ. Уны! представители Церкви гоже его не поняли (арх. Иннокентій). «Гордыню» заметили все, а вотъ какую душу раскрылъ челоуекъ, этого почти никто не оценилъ. (Старень-

*) Болѣе подробно въ замечательной книгѣ Мочульскаго «Духовный путь Гоголя».

кому Плетневу, да калужской **губернаторшѣ** Смирновой за неизменную и одинокую защиту Гоголя — да будетъ легка земля!).

Если считать, что **Гоголь** боролся съ **дьяволомъ**, то придется допустить, что тутъ **вѣчный** его противникъ напустилъ тумана въ глаза и навелъ марево даже на **людей**, казалось бы, **обязанныхъ** Гоголя понять.

Гоголь все это испилъ. Тутъ не просто неудача книги, это провалъ **жизненнаго** дела. Человекъ хотель поделиться результатами довольно долгой уже духовной **жизни**, **кого-то поднять**, чему-то научить... А отвѣтъ? «Въ меня все **ближніе** мои бросали бешено камня». Онъ жестоко **страдалъ**. Въ письмахъ той полосы это чувствуется. Но какъ еще выросъ въ **этихъ** **терзанияхъ!** Какъ необыкновенно высокъ тонъ «Авторской исповеди!» До какой степени сдержаны, **скромны**, благородно-смирненны его ответы и **возраженія** въ письмахъ по поводу «Переписки». **Человѣкъ** просить только объ **одномъ**: если даже съ нимъ не согласны, пусть все-таки верять, что хотель онъ добра, писалъ изъ побужденъ чистыхъ. Гоголю приходилось убеждать о себе, что **онъ** не плутъ и надуватель!

Павель Ивановичъ **Чичиковъ** и **Иванъ** Александровичъ Хлестаковъ слишкомъ **прилипли**, въ **мнѣніи** общества, къ Николаю Васильевичу Гоголю.

А въ **дѣйствительности**, написавъ ихъ и пустивъ гулять по свету, онъ какъ разъ отъ нихъ и освободился. Онъ изжилъ ихъ и шель уже инымъ путемъ: но никто, или почти никто этого **не** понималъ.

Ныне многое стало виднее. Если сравнить сейчасъ «Переписку», «Авторскую исповедь», письма **послѣдующія**, «Размышленія о Божественной Литургии», съ прежнимъ его **писаніемъ**, станетъ ясно, какова разница между Гоголемъ **зрѣлымъ** и **молодымъ**. Онъ самъ понималъ, **что** сталъ другимъ, и что нельзя упрекать его за то, что пишетъ онъ теперь по другому. Да, его яркость, образность, краски Малороссія, «чудень Днепръ при тихой погоде», равно какъ и шуточки, смехъ «Женитьбы» или «Коляски» навсегда ушли. Ушли и поразительно написанные Ноздревы съ Собакевичами. Нечего ему делать теперь ни съ Коробочкой, ни съ **Хлестаковымъ**, ни съ **Маниловымъ**. **Совсѣмъ** въ иной **мѣръ** онъ внедрень. Самое слово его одухотворяется. Въ немъ **нѣтъ** уже ничего резкаго и кричащаго, **бьющаго въ** глаза краскою или рисункомъ гротескнымъ. Все теперь в нутренно-легче, **спиритуальнѣй**. Воздухъ его **этой** прозы — **спокойствіе**, музыка сдержанная и слегка приглушенная.

Мало зрительныхъ образовъ. Тутъ уже нечѣмъ блеснуть. И не до блистанія. Нѣкій ровный, сѣровато-жемчужный налетъ надъ его страницами. А строка звучитъ тонкими, удивительными, гоголевскими — еще не изученными — ритмами.

**

И вотъ, все-таки, истиннаго умиротворенія («искусство есть примиреніе съ жизнью»), гармоніи и послѣдней просвѣтленности не удостоился Гоголь. За гармоническими и духовными строками жиль авторъ, далекій отъ покоя.

Одновременно съ писаніями своими лирико-философическими и религіозными, онъ продолжалъ трудъ, который считалъ главнѣйшимъ въ своей жизни: «Мертвыя Души». «Не оживетъ, аще не умретъ», приводилъ слова Апостола, применяя ихъ къ первому сожженію второй части «Мертвыхъ Душъ» (1845). До самой смерти (1852) трудился надъ ними. И... — опять сжегъ. Но уже тогда умеръ самъ. Воистину, вмѣстѣ со своимъ твореніемъ.

А пока жиль, неустанно мучился надъ второю частью «Мертвыхъ Душъ». Новое свое душевное состояніе онъ применялъ къ произведенію, зачѣтому совсемъ въ другомъ воздухе — и отчасти даже другимъ человекомъ. Теперь онъ задыхался среди Чичиковыхъ и Собакевичей. Все его существо было настроено совсемъ на иной ладъ. Эту настроенность приходилось подгонять къ дѣлу неподходящему. Воплощать, объективировать теперешнія свои состоянія было не во что. Не являлось такихъ фигуръ, какія были ему нужны. Онъ выдумывалъ лица неживыя, разныхъ Костанжогло и Муразовыхъ, впадалъ въ морализированіе, неубедительно «обращалъ» къ добру Чичикова, вводилъ какого-то добродѣтельнаго генераль-губернатора... Могли, при его силахъ, быть всемъ этимъ доволенъ? (Когда раньше писалъ уродовъ, то художнически ими любовался. Безъ любованія невозможно искусство. Но Муразовыми, Костанжогло, генераль-губернаторами никакъ не могъ любоваться: да ихъ просто и не было.)

Можетъ быть, Гоголь, пройдя полосу крайняго морализирования, желанія непременно поучать, чуть не насильно вести къ благу, и успокоился-бы, и взявшись за писаніе иного рода, где сіяла-бы его восторженность, его жажда небесныхъ звуковъ, написалъ-бы произведеніе живоносное, обвеянное Духомъ Святымъ. Но это не были бы «Мертвыя Души»,

Намекомъ на такую, возможную, удачу, является замѣча-

тельное его предсмертное произведетѣ **«Размышленія** о Божественной Литурпїи». Не берусь судить о немъ со стороны **богословской**. Но какъ **поэзія** и литература это прекрасно, полно истинной **гармоніи**, духовности и подъ скромнымъ обликомъ **описанія** церковной службы даетъ въ самомъ напеве своемъ, въ прозрачности, внутренней **просвѣтленности** какъ бы **отраженіе** въ словесности духа Литурпїи. Въ **«Размышленіяхъ»** Гоголь поступилъ какъ музыкантъ, въ зреломъ возрасте **перешедшїи** отъ **созданія** светской музыки къ **созданію** церковной.

Можетъ быть, **если-бы** онъ вполне оставилъ **прежнія** литературныя формы, и для новаго своего духовнаго **содержанія** искалъ новаго **писанія**, не имеющаго **отношенія** къ Чичиковымъ, но и лишенаго дидактизма (ведь и **«Размышленія»** ничего не навязываютъ, они изображаютъ, отображаютъ) — возможно, все **было-бы** по иному и жизнь его **приняла-бы** другой видъ.

Но судьба Гоголя, въ плане земной жизни, была трагической. Ему предстояло все биться вокругъ «Мертвыхъ Душъ», мучиться и темъ, что оне не удаются, и **тѣмъ**, не написаль-ли онъ чего нибудь вреднаго, за что придется дать ответъ.

V

Опасеніе, что Гоголя слишкомъ хорошо знаешь, что онъ исчерпанъ и при **перечитыванїи** не **дастъ** новаго или даже побледнѣетъ, не оправдывается. Читаешь его по иному и находишь не совсемъ то, что думалъ найти... Но находишь очень многое. Замечательна разница съ Толстымъ. Перечитывая Толстого, въ сущности, дальше «Войны и Мира» и «Анны Карениной» идти не хочется. Съ Гоголемъ иначе, хотя сильнее **перваго** тома «Мертвыхъ Душъ» и онъ ничего не написалъ. Но своимъ путемъ, фигурую — Гоголь зоветъ дальше. Толстой «толстовствомъ» не только никуда не зоветъ, но само это слово кажется сейчасъ пережиткомъ. Толстой при жизни **основалъ** секту, едва-ли не обожествлявшую его. Гоголь умеръ подъ знакомъ ханжи, чуть не полоумнаго и долженъ былъ доказывать, что онъ не плутъ. Но прошло время, и отъ толстовской секты остался дымъ, а Гоголь подвижникомъ входитъ въ духовную нашу культуру. Его путь, по загадочной странности неузнанный многими близкими — веченъ, и лишь теперь начинаетъ распознаваться. Его **литературныя** удачи, превосходные успехи, такъ успехами и остались приблизительно въ **тѣхъ-же** очертанїяхъ, какъ казались и раньше. Тутъ нетъ особыхъ неожиданностей. Меняются лишь **о т т ѣ н к и**. Подтверждается и одно детское

впечатлѣніе: мало доходить сейчасъ комическая сторона его дара. Но безспорно, обликъ его выросъ, усложнился, этотъ обликъ особенно сильно сквозить теперь въ писаніяхъ его зрѣлыхъ и не-прославленныхъ, а частію и оклеветанныхъ. Да и сама жизнь его, и его судьба входятъ въ его твореніе: онъ нѣчто написалъ самимъ собой. Станнымъ образомъ, выросла даже личная къ нему близость. Не совсѣмъ такъ, какъ прежде, сталъ, однако, Гоголь внутренне дороже русскому человеку современности — во всехъ сложностяхъ своихъ, грѣхovitостяхъ, подполье, противорѣчійхъ, величии и слабости, одиночестве, непонятости, въ духе героическомъ, въ скитальчествѣ и нищенствѣ. Да, онъ сталъ гораздо более с в ой, чемъ раньше! Ибо душе юной, еще не потрясенной и не пронзенной, онъ всег о своего лика не открывалъ. И его горечи и трагедіи юноша со-переживать не можетъ.

Чтобы дать его образъ, надо написать его жизнь — постараться пройти за нимъ внѣшній и внутренній его путь. Это острое дѣло. Здѣсь-же можно только сказать, что приглядываясь къ Гоголю великорусской его полосы, видишь его живѣе, потнѣй, человечней, чѣмъ давали его символисты, и чѣмъ изображали скульпторъ памятника на Пречистенскомъ бульварѣ. Символисты понималъ Гоголя несколько по новому, это безспорно. Но сейчасъ есть и нѣкое внутреннее противленіе этому пониманію. Гоголь и чортъ! Остро, но схематично. А не изъ схемъ состоитъ человекъ. И вовсе не обязательно похожъ Гоголь на какого-то нетопыря Пречистенскаго бульвара. Безъ конна трудно представить себе Гоголя живымъ, настоящимъ... — наприимѣръ, понять тайну его комизма. (Въ самомъ лицѣ его было нечто особенное, ему достаточно было, читая «Женитьбу», сделать какую то легкую грамасу и присвиснуть, и слушатели валились со смеху). Это сейчасъ въ немъ утеряно. Символисты-же и не пытались жизненное въ немъ восчувствовать. Не выудишь изъ Валерія Брюсова, что Гоголь любилъ детей, а это именно такъ: вотъ этотъ Гоголь, яко-бы только и занимавшійся чертовщиной, дѣтей любилъ, и дѣти его любили. Съ Аксаковыми и Погодиными бывалъ высококомбриемъ, а съ ящиками, слугами, остритъ и хохоталъ напрапалу. Въ Калугѣ, совсѣмъ незадолго до смерти, игралъ въ шашки съ купцами въ торговыхъ рядахъ, въ Опгиной пустыни смиренно беседовалъ со старцами, а когда ехалъ въ коляске изъ Калуги въ Москву, то выскакивалъ изъ экипажа, съ детской радостью срывалъ цветы. Любилъ бѣдныхъ, нищихъ — сколько раздавалъ изъ грошей своихъ! — Шель въ жизни горней тропой.

Все — для великой **цѣли**. **Неважно**, что «Мертвыя Души» пишутся въ Риме, въ скромнейшей комнате съ раскладнымъ столомъ по середине и рядомъ постелью — это **неважно**, потому что Гоголь не **дѣлецъ** отъ литературы, а святой и мученикъ ея. «Милая сестра, люби бедность!» «Нищенство есть блаженство, котораго еще не раскусили **свѣтъ**. Но кого Богъ удостоилъ отведавать его сладость и кто уже возлюбилъ истинно свою нищенскую сумку, тотъ не продастъ ея ни за **какія** сокровища **здѣшняго** Мира». Такъ что неважна скудость обстановки, а важно то, чтобы хорошо, какъ **слѣдуетъ**, написать «Мѣртвыя Души», послужить Богу, не ошибиться предъ Нимъ и не вызвать Его гнева.

Гоголю дана была труднейшая и страдальческая внутренняя жизнь. **Сомнѣнія**, тоска, даже **отчаяніе** посещали его. Посещало и страшное чувство **безблагодатности**, оставленности Богомъ. Крестъ **тягчайшій**! Но съ какой покорностью, **смиреніемъ** онъ его несъ! Жизнь его была мучительной, но **кончилъ** онъ ее **не** въ **пораженіи**. Пусть «Мертвыя Души» **его** замысла не удались. Все равно, онъ прожилъ героически. И заслужилъ терновый венецъ — **увѣнчаніе великихъ жизней**, пусть и кажущихся неудачами.

Бор. Зайцевъ.